

УДК 821-03.512.122-161.1
ББК 84(5Каз-Рус) 7-44
Ж 88

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

Составитель Б. Канапьянов

Жумабаев Магжан

Ж88 Пророк. *Стихи, поэмы, рассказ.* / Магжан Жумабаев.
Перевод с казахского. / Комментарии Б. Канапьянова.
Астана: Аударма, 2010. – 368 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников А. Мотузко и Д. Калачева.

ISBN 9965-18-299-X

УДК 821-03.512.122-161.1
ББК 84(5Каз-Рус) 7-44

ISBN 9965-18-299-X

© Издательство “Аударма”, 2010
© Иллюстр. “Музей современного
искусства”

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

«Из казахских поэтов и писателей, конечно, люблю Абая. С самого детства все мое существо и мое бытование как бы пропитаны творчеством Абая...

После него люблю Магжана. Люблю его европейское естество и блеск поэтической мысли. Рожденный в среде казахских поэтов аульного уклада жизни, он своим внеземным обаянием и своим умом достиг высот европейской культуры, храма мировой поэзии. Магжан – великий поэт мировой культуры. Его поэтическая индивидуальность настолько велика и уникальна, что она перерастает рамки своей эпохи.

Из числа нынешних поэтов и писателей только поэтическое слово Магжана устремлено в будущее и достойно останется в памяти грядущих поколений. Я не уверен и очень сомневаюсь в том, что каждый из нас, кроме него, останется в литературе», – писал еще в 1927 году Мухтар Ауэзов, характеризуя поэтическое творчество Магжана Жумабаева.

Есть определенная божественная преемственность поэтического духа в том, что стихи Абая, поэта и мыслителя, известного всей степи, известного в силу гениальности своих поэтических строк, но так и не увидевшего при жизни своих литературных творений в образе книги, и стихи юного, девятнадцатилетнего Магжана Жумабаева были изданы в один исторический период, в канун первой мировой войны: Абая – в 1909 году в Санкт-Петербурге, а Магжана Жумабаева – в 1912 году в Казани. Изданные на казахском языке арабским шрифтом, эти две книги и открывают, на мой взгляд, эпоху современной казахской поэзии, начало которой во многом совпало с бурным и прогрессивным началом двадцатого столетия.

К тому времени в целом сформировалась первая плеяда казахской интеллигенции, в своем естественном сочетании «старое-новое», включающая в себя актуальные споры и дискуссии, то есть созидательные мотивы нового уклада жизни. Эта передовая часть общества в буквальном смысле взяла на себя весь груз ответственности за будущее своего народа в разных сферах человеческого бытия – общественно-политической, социально-культурной и научно-образовательной. С горечью констатирую, что их всех ожидал репрессивный исход, независимо от того – на каком берегу революционного водораздела они находились.

Магжан Жумабаев – поэт по рождению, и только поэт; и к нему, к различным сторонам его биографии, его творческому наследию, к его литературному и бытовому окружению, и даже к самой эпохе, в которой он вынужден был жить и существовать, любить и страдать, презирать и ненавидеть, необходимо относиться с этих, и только с этих позиций, вбирающих в себя и стереотипное «Поэт и время». Время циклично, но некоторые аспекты истории повторяются, как говорится, в виде фарса. И только поэту суждено опережать время или возрождать великие мгновения прошлого, ибо образное возвращение ушедшего времени возможно только в поэзии.

Магжан Жумабаев – поэт от Бога, высокообразованный поэт и свои «поэтические университеты» проходил легко и скрупулезно. Владая в совершенстве казахским, арабским, персидским, турецким языками, а также многими диалектами тюркских народностей, он, еще юношей пройдя школу поэзии Абая и Махамбета, в своем поэтическом развитии не останавливался на достигнутом.

Первый его поэтический сборник «Шолпан» вышел в 1912 году, как мы уже упоминали, в Казани. И это становится событием в новой казахской литературе. Имя Магжана Жумабаева, его стихи и поэмы у всех на слуху в литературных кругах Омска, Петропавловска, Семипалатинска, ни один поэтический вечер не проходит без чтения стихов поэта. Многим становится ясно, что в мир Поэзии пришел поэт большого таланта, чьи поэтические произведения не только востребованы самой эпохой, но во многом в силу своей поэтической природы и редкого дарования опережают эту эпоху.

Есть судьбы поэтов, и есть поэты судьбы. И первые, и вторые как бы дополняют друг друга. Поэты судьбы своим физическим долголетием оттеняют судьбу Поэта, всю жизнь стремятся к тому совершенству своих литературных произведений, которое изначально уже присутствовало в творческой судьбе Поэта. Судьба М. Жумабаева и тернистый путь его литературных произведений в XXI веке – веское тому подтверждение.

За последнее десятилетие много трудов издано по творческому и литературному наследию поэта. Изданы и его трехтомник, и его творческая биография, и объемистая монография. Уверен, что к творчеству поэта М. Жумабаева еще не раз будут обращаться казахские и зарубежные исследователи, любители и профессионалы изящной словесности. Частной собственности на Вселенную поэта не должно быть. Поэзия М. Жумабаева через соответствующие оригиналу художественные переводы принадлежит человечеству, ибо есть некая особенность настоящей поэзии, настоящих стихов, которая сродни цепной реакции, когда, родившись в одном определенном месте, в одном регионе, в одной стране, эти стихи уже не принадлежат этой местности, они распространяются по странам и континентам, минуя преграды и запреты, чтобы навсегда остаться в сердце своего читателя.

МОЙ НАРОД

Другие народы, душой устремясь к небесам,
Ключи подбирают к наукам, иным чудесам.
И, вспыхнув во мраке Звездой, Луной или
Солнцем,
Они с высоты дарят свет торжествующий нам.

Им незачем ждать, чтоб с небес снизошла
благодать,
Им время дано, чтоб грядущее предугадать,
Впрягая огонь, бороздить небосводы и воды
И жажду познания детям своим передать.

И только казахи собою довольны вполне,
Глядят безучастно, бездумно стоят в стороне,
Живут понапрасну – иные им ведомы страсти,
Безумные страсти ведут их по мутной волне.

Богатства транжирия, богатые рвутся во власть,
Ничем не гнушаясь, – дай властью потешиться
всласть!

А прочему люду печальная выпала доля –
Сутяжничать, красть, убивать да судьбу свою
клясть!

Так день ото день усыхает, как кожа, земля, –
Из жил ее кровь бледно-серая тянет змея.
А тех, кто когда-то с безжалостной спорил судьбою,
Всех режет под корень серпом роковая жнея.

НЕСЧАСТНАЯ

Непогода, стужа крепнет – не стерпеть,
Споря с ветром, снег затеял круговерть.
Голь от холода синеет, помертвев,
А на баев любо-дорого смотреть.

Ночь под черною овчиной, как бедняк,
На сыром ветру сжимается в кулак.
Землю с небом перемешивая, снег
По седым холмам сыпается в овраг.

Завывает, завывает небосклон,
Дом сугробами зажат со всех сторон.
Пряча голову от вихрей ледяных,
Покидают овцы сломанный загон.

Балтабай, чтобы беду свою унять,
Оразкен давай за волосы таскать
И, пронизывая ужасом до пят:
– Твою душу, где же скот теперь искать?

Оразкен, в глазах истаяла душа,
Оглянулась на него, с тоской дыша.
– Тяжела я, – говорит ему, – Не бей!
Но свистит, не внемля, толстая камча.

Балтабай рукой тяжелой дверь открыл,
Оразкен на землю рухнула без сил.
– Подыхай теперь одна, собачья дочь! –
И железную задвижку опустил.

Долго козочкой, подбитой на бегу,
Без сознания лежала на снегу.
Только ветер, теребя ее подол,
Рад был горестному телу, как врагу.

Вот очнулась Оразкен среди пурги,
Пред глазами ее жаркие круги,
Кровь стекает с непокрытой головы –
Горе сделало лицо ее другим.

Ослепленная, в ночную тьму глядит.
«О создатель, помоги!» – в слезах твердит.
Ветер глухо завывает над землей,
И бессильно вместе с ним она дрожит.

ВЕСЕННЯЯ ПОРА

Шум воды. Резвясь, апрель с холмов идет,
Тощий ей многоголосьем вторит скот –
Жеребята-стригунки: «Пришла весна».
Даже болен кто и хром, не отстают.
И у всех, кому спешить велит она,
Не осталось ни печали, ни забот.
Солнце щедрое рассыпало лучи,
Чтобы в сердце навсегда растаял лед.
Зажурчит вода – гор звонкая роса,
Как в подвесках тонких юная краса,
Птичий гай сольется в этот хор –
И кобыза струнам вторят голоса.
Лошадей арканят в байском табунах,
Их взнуздать и укротить спешат.
Дети малые в веселой беготне
Изваливать в грязи друг друга норовят.
На джайляу пополненья ждут,
Древней мудрости творя обряд
И бессонно не спуская глаз
С кобылиц, что жеребятся первый раз.
Май веселый землю расцветил,
Яркой зеленью раскрасил, словно шелк,
Ветвь качнул красоткой молодой,
Звонких птиц разноголосый щелк.
Отойдя от стужи, мошкара
Закипает, как густой поток.
В небе гром и проблески огней –
Это пробил вешним грозам срок.
Материнским свежим молоком
Насладился резвый сосунок.
А на однолетках-стригунках
Дети скачут степью, без дорог.
Доходяги-овцы, кто куда
Разбрелись на запад и восток.
Дал весну – природы благодать –
Нам аллах благословенный впрок.

СОЛОВЕЙ

Звучит на сто ладов песнь грустная твоя –
То медленно, то вскачь, то дробно льются трели.
Им внемля, то горю, то холодею я –
То буйствует душа, то полудремлет в теле.

Несется щелк и свист, как дождик с облаков,
И все живое пьет и впитывает звуки.
Ни карканья ворон, ни нежных голосов –
Набрали в рот воды окрестные пичуги.

Чарует ум напев, не требующий слов,
Все замерло вокруг – ни вдоха и ни шага.
Весь мир, певец любви, с тобой грустить готов.
Журчит потоком слез ручей по дну оврага.

Соловушка! И я... я плачу, грудь в огне.
Ношу я в сердце уголь и втайне изнываю.
Спаси меня: помочь один ты в силах мне.
Никто, никто другой – я это точно знаю.

Вспорхни, мой свет, вспорхни над той, что всех
милей,
На ветке умясь, рассыпь призывно трели,
Добейся, чтоб печаль моя открылась ей
С томительной тоской в измучившемся теле.

На сто ладов свищи, чтоб звуки сердце жгли
И девичья душа металась, точно пламя.
Заворожи ей ум и чувства распали
Так, чтоб в ее мечтах сплетались мы телами.

Спешу, властитель душ, спешу, печали глас,
Завишу от тебя я, как от воли Божьей, –
Коль не окажешь мне ты милости сейчас,
В могилу грусть моя сведет меня, похоже.

ДАР СЛОВА

Если болен мой дух,
Тело мучит недуг,
Мне спасенье – дар Слова.
В час, когда он со мной,
В этой жизни земной
Не земля мне основа:
Лишь в стихах наяву
Я люблю и живу.

Ты – души естество,
Тела жар моего,
Дар божественной речи.
Ты – спасенье от дум,
Отягчающих ум:
Напишу – станет легче.
Слышишь, милый мой друг,
Речи сладостный звук?!

В ЧЕМ УСЛАДА?

Душа, попав на этот свет,
От жизни ждет одних услад.
Любовь и дружба с юных лет
Одни забавы ей сулят.

Но счастье – что? Бег дум пустых
Иль ум, созревший до поры?
В пылу охоты бег борзых
И среди ветрениц пиры?

Быть может, смысл в богатстве есть,
Но с ним душе еще трудней,
Хоть мяса за сто лет не съесть
И не пересчитать коней.

Чем удовлетвориться ей,
Не знает, мечется она,
Вся в суеверный мир страстей
И в празднества погружена.

На небеса не уповай –
Все будем там когда-нибудь.
Встряхнись, гнедого оседлай,
На локоть сокола и – в путь.

Но этим не осилить зло
Душе, не знающей пути.

Наука или ремесло
Ее могли б еще спасти.

Ей возвратили б счастье жить
Печаль, страданья за других
И думы – как освободить
Народ свой от невзгод лихих...

ЛЕТНЕЕ УТРО

Тепла и неги ночь полна,
Пар над землей клубится белый.
Сияя серебром, волна
Скользит по озеру несмело.

Уперлась в небосвод гора
В объятьях плотного тумана –
Свиданья краткого пора
Обоим, как всегда, желанна.

Непостоянный ветерок
Колелется, как в колыбели,
Готов себя раскрыть цветок,
Чтоб лепестки запламенели.

Запела птица в вышине,
Ей птенчик из гнезда ответил.
Миг пробужденья в тишине
Природе посвистом отметил.

Настало утро и, молясь,
Божественное осязая,
Душа блаженству отдалась,
Деянья божьи прославляя.

А вот и золотом заря
Даль затопила на востоке.
Расправив крылья и паря,
Вмиг обновился мир широкий.

... Да, утро, солнце... Видит бог,
Нет красоты без них на свете.
И верится, что в нужный срок
Постигнут божью мудрость дети.

МОЛОДИЦА

Эй, невестка-молодушка,
Угоди-ка ты старушкам –
Поднеси поесть-напиться,
Одари платком да ситцем.

Приглянулось угощенье –
Вот тебе и уваженье.

Молодушке-молодице
Не приходится лениться.
Бог воздаст достатком, миром,
Творожок подай-ка с сыром!

Хоть невестка голодна,
У нее усталый вид, –
Словно сытый гость, она
На еду и не глядит.

Ей, уставшей, не прилечь –
Имя доброе беречь.

Дует ветер, дождик льет –
Скот доить она идет.
Лишних слов не говорит.
Кто такую укорит?

Но хотя заботит дело,
Двое ждут, чтоб солнце село.
Ночью, чувства не тая,
Шепчут: «Ты – душа моя!»

С чем судьба ни постучится,
Муж – опора молодицы.

ЗОЛОТОМУ ХАКИМУ АБАЮ

Благородный хаким, твое слово бесценно,
Пусть проходят века, твоя слава нетленна.
И другого такого, как ты, Человека,
Может быть, никогда не дожидаться Вселенной.
Но народ твой высокое слово Поэта
Не ценил и не ценит в тщете своей брэнной.
Словно свора собак, меж собою грызутся,
Слыша имя твое, брызжут мстительной пеной.
Не печалься, Поэт. Для народа родного
Откровеньем еще прозвучит твое Слово,
Будет время, и будут достойные дети,
И поймут твое Слово – что жизни основа.

Будут годы тянуться своим караваном
С тяжелеющим грузом забот неустанных.
Твой народ пробудится, наставник суровый,
В обновленной степи твое время настанет.
От упрямо идущего след остается,
От сапожника шило его остается,
От богатого скот на земле остается.
От Поэта к оставшимся Слово пробьется.
Круг земной, по нему время катит незримо, –
Можно ль нам уповать, что промчит оно мимо?!
Нет, его колесо настигает любого, –
Как и Слово бессмертное! – неумолимо!

* * *

Несчастный казах, твоя в страхе душа,
Ты в рубище жалком идешь, не спеша.
Повержено знамя...

За что ни возьмешься –
В руках только днище пустого ковша.

Тебя сторонятся наука и труд,
И мысли святые тебя не гнетут,
Ночами кровавые слезы ты льешь,
Что в спячке грядущие годы пройдут.

Очнись и воспрянь! – наступила пора.
Тебя день и ночь угнетали вчера.
Ты в сторону старый облезший тымак
Отбрось, чтобы новые слышать ветра.

И, в книги вникая, невежества тьму
Рассеешь, разрушишь незнания тюрьму.
И века грядущего будешь достоин,
И – равным по духу будь миру всему.

КАК НАУЧИТЬСЯ РЕМЕСЛУ

Тот джигит упорный выйдет в мастера,
Кто покрепче подпояшется с утра.
Отрешась от мнимых радостей земных,
Чистоты крылатый вестник и добра.

Кто не тратясь на людскую круговерть,
На зеленых молодух и старых ведьм,
Не жалея сил, труду себя отдаст,
Главный путь стараясь в жизни углядеть.

Он не станет, чтоб страданий избежать,
Ни к обману, ни к лукавству прибегать.
Сохранит свое достоинство и честь,
Будет насмерть на своем стоять.

И к злословию испытывая стыд,
Сторониться от позорной клеветы.
А уж дел худых неправильный соблазн
Осторожно обходить за три версты.

Над людьми не заноситься без нужды,
Презирать донос, не затевать вражды.
Знать, что, алчности не поборов в душе,
Встретишь смертный час без капельки воды.

Брать всегда за образец святых людей,
Кто не зря прослыл героем наших дней.
И стараться мудрость их не утерять,
Что сокровищ неземных всегда ценней.

Дружбу с тем водить, кто миру весь открыт,
А не с тем, кто затаится норовит.
И бесстрашно в мир страстей людских входить,
Как в шатер прекрасный, что в раю стоит.

* * *

Должен знать невежда, что душою слеп:
«Ремесло, наука – для голодных хлеб».
И иной заботы нет у них: «Стезю
Проложить заблудшим в море жизни мне б».

С этой мыслью по земным я шел путям
И на все вопросы отвечал я сам.
Ремесло, науку даже под землей
Я б искал, не тратя жизнь по пустякам.

* * *

Когда ты на небе всплываешь, луна,
С тобой непроглядная ночь не темна.
Кругла ли, овальна, иль серп золотой –
Ты людям и звездам в подмогу дана.

Ты лампою путнику светишь во тьму,
Дорогу найти помогая ему.
Сиянием радужным окружена,
Глаза ты слепишь мирозданию всему.

То круто свои ты закрутишь края,
Серьгою красавицы в звездах горя,
То в полной предстанешь своей красоте,
Вскипать на земле заставляя моря.

Все рады тебе, все довольны тобой,
Мила в поднебесье звезде золотой.
Вот только влюбленным плотнее прильнуть
Друг к другу мешает твой свет голубой.

Видны они в лунном сиянье, как днем,
Не очень-то всласть нацелуешься в нем...
Приходится им по домам разойтись –
Стоять неудобно с луною втроем.

ПЕЧАЛЬНАЯ КРАСАВИЦА

Все печалишься и плачешь,
Ты забросила дела.
И, одна оставшись дома,
Все сидишь – невесела.

Отчего вздыхаешь часто?
Кто украл твой чистый смех?
Так и катятся слезинки,
Будто ты несчастней всех.

Мысли темными ночами
Застают тебя без сна.
Молоком прольется утро –
Ты в печаль погружена.

Спелым яблочком светилась –
И юна, и хороша.
Отчего же надломилась,
Словно веточка, душа?

Кто тебя окутал болью
И о ком твоя печаль,
Уводящая с собою
В удручающую даль?

Кто он, горькими устами
Тихо проклятый злодей?
Знай, обидчик пожелтеет
В схватке с совестью своей.

РОДИНА МОЯ – САСЫККОЛЬ¹

В блеске лучей или в дымке туманно-седой
Вот оно – озеро, полное дивной водой.
Волны по озеру, с гребнями из серебра,
С ветром играя, бегут и бегут чередой.

Озеро всем по душе – от детей до скота.
Плещутся, пьют, а вода, как и прежде, чиста.
К дальнему берегу юноша взор устремил,
Имя любимой без усталости шепчут уста.

Девушки, жены приходят сюда вечером –
Кто за водою, а кто искупаться тайком.
Вдоволь напившись, бегают скот во всю прыть.
Любо смотреть за резвящимся молодняком.

Белые юрты, красуясь, поодаль стоят.
Дружно живут здесь сородичи. Те, кто богат,
Ближним приходят на помощь в беде и нужде,
Интересуясь: мол, как поживаешь, собрат?

Птиц тут без счета, галдеж над округой повис.
Рыбы так много, что только лови, не ленись.
Бабы горластые здесь пересуды ведут,
Быстро меж тем белопенный взбивая кумыс.

Озеро кто-то недаром Вонючим назвал, –
Кто же не знает, как пахнет вода и трава!
С беркутом в путь отправляясь, охотник-мерген
Здесь не однажды на скакуне гарцевал.

Сам-то я где, как не здесь, появился на свет!
Детские годы не здесь ли оставили след?
Падали со стригунков и валялись в пыли,
И на закате сходились для тихих бесед.

¹Сасыкколь – вонючее озеро.

О Сасыкколь! Ты для предков в былые года
Щедрым являлся поильцем-кормильцем всегда.
Всех укрывали, спасали, хранили от бед
Два твоих дара бесценных – трава и вода.

Больно мне думать: с приходом ночной темноты
Что с тобой станется, озеро нашей мечты?
Ночь, как шинель, принакроет тебя – и тогда
С птицею счастья навек распрощаешься ты.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Возраст детства – царский трон,
Посмотри, прекрасен он.
Оцени, попробуй, если сможешь.
Но проходят годы, знай,
Праздно время не теряй,
Рассчитать умей и подытожить.

Прогони от сердца лень,
Загляни в грядущий день.
Сторонись того, в чьем сердце холод,
И поверь, не твой приют –
Дом, где знания не чтут.
Познавать спеши, пока ты молод.

Миг у вечности в узде,
Ощущай его везде,
Не вернешь растраченного всеу.
Молодость – бесценный дар,
Успевай, пока не стар.
Лишь бездумный праздно дни тасует.

От незнания отрешись,
Полузнанья берегись.
Трудно – пояс затяни потуже.
Обучайся ремеслу,
Неуч – он сродни ослу.
Рассуди, кому он в жизни нужен?

Мертвецу подобен он –
Корм для псов и для ворон,
Только с виду жив, здоров и весел.
Но смеются все над ним!
Дорогой, не будь таким.
Неучу – хозяин даже ветер.